

вой“; опять Толстой, настойчивый проповѣдникъ Толстой, какъ бывало, рисуеть передъ нами женскую прелесть, эту молодую крестьянку съ черными блестящими глазами, съ груднымъ голосомъ, свѣжую, сильную, въ красномъ яркомъ платкѣ, на фонѣ орѣховой и кленовой чащи, — и кружится въ центрѣ хоровода „яркій цвѣтами кружокъ молодыхъ бабъ и дѣвокъ, а вокругъ него съ разныхъ сторонъ, какъ оторвавшіяся и вращающіяся за нимъ планеты и спутники, то дѣвчаты... шурша новымъ ситцемъ растегаевъ, то малые ребята..., то ребята взрослые“; опять Толстой понимаетъ, какъ понималъ прежде, въ пору своего расцвѣта, гуляку Афремова и Федю Протасова, которые даже умереть хотѣли бы подъ звуки цыганскихъ пѣсенъ и слышать надъ собою въ гробу какую-то грѣшную панихиду разгула. Рѣютъ милыя, знакомыя, ему и намъ родныя имена: этотъ Иртеневъ, замѣнившій собою прежняго Иртеньева, эта въ привычной ассоціаціи вернувшаяся Анна Каренина. Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten... Да, недаромъ онъ написалъ Воскресеніе: онъ умѣетъ воскрешать, и, что особенно счастливо, не только другихъ, но и самого себя.

Онъ воскресъ, во-истину воскресъ, этотъ великій художникъ Толстой. Новыя книги его показываютъ, что онъ—прежній. Не то, чтобы здѣсь было много такихъ страницъ, которыя достигали бы той же высоты, что его непревзойденныя раннія творе-